
O 25/58

25
58.

2007059342

Les Réformes et la Révolution
par
N. Joukowsky

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Изъ «Общины» № 5).

(ИЗДАНІЕ „ГРОМАДЫ.“)

Историческое развитіе гражданственности народовъ, которыхъ исторія встрѣчаетъ на восточно-европейской равнинѣ въ половинѣ IX вѣка, шло различными путями. Не успѣла прочно сложиться форма бытоваго склада ихъ жизни, какъ пришлось имъ отстаивать вооруженной силой каждый клочекъ занятой, но не устроенной еще земли. Въ безкняжескія общества, связанныя въ политически-солидарное цѣлое, они не развились, и пришлось имъ вести врознь борьбу, какъ съ устроившимся уже сосѣдомъ, такъ и съ кочевникомъ.

Инымъ не удалось отстоять свою бытовую форму жизни, пришлось, если не вполнѣ слиться съ чуждымъ элементомъ, то подчиниться ему, уступить юридическимъ порядкамъ, выросшимъ на почвѣ иного, чужого быта. Другіе сами слились, какъ говорятъ оффиціальные наши историки, въ единое цѣлое и сложились въ особое славянское общество, юридическія формы котораго вышли какъ-бы непосредственно изъ бытоваго строя народовъ, „естественнымъ образомъ“ слившихся въ одно „чисто-славянское“ государство.

Такъ говорятъ о Россійской имперіи всѣ государственные историки отъ Ломоносова до Бестужева-Рюмина; такъ привыкло думать и большинство всероссійской публики, съ грѣхомъ пополамъ читающей тощіе учебники и объемистые томы всѣхъ молодыхъ и старыхъ Соловьевыхъ. Всѣ наши казенные историки съ изумительнымъ единорѣчіемъ поютъ гимнъ самодержавной силѣ, которая стерла съ лица земли всѣ бытовыя особности національностей, вошедшихъ въ составъ Имперіи и создавшихъ великое, обширное, могучее, единое чисто-славянское государство, которое вырветъ изъ

чуждыхъ рукъ всѣ родственныя „русскому народу“ племена и приметъ ихъ въ свое лоно.

У историковъ оффиціальной Россіи все это выходитъ просто, гладко, документально. Карамзинъ сказалъ, что исторія наша начинается съ Петра, что вѣкъ Екатерины оставляетъ въ тѣни даже и Александра I съ пресловутымъ двѣнадцатымъ годомъ, что Москва подготовила путь къ великому русскому единству, что до Москвы была въ земляхъ нашихъ только тьма кромѣшная, бытовая разладица да брань междоусобная. Этимъ катехизисомъ стяжалъ онъ славу и почести въ царствованіе Александра I и сталъ генераломъ отъ русской исторіи. Погодины, Устряловы, Соловьевы могли работать только по установленной Карамзинымъ программѣ и продолжать доказывать естественность, необходимость, святость и спасительность всероссійскаго императорства для всѣхъ славянскихъ народовъ.

Долго вѣрили имъ читающіе русскіе люди. Исключенія бывали, конечно, во всѣ времена, но можно съ увѣренностью сказать, что сколько нибудь замѣтное меньшинство, знающее, до какой степени извращены всѣ факты жизни народной въ казенныхъ книгахъ казенныхъ историковъ, образовалось весьма недавно.

Благодаря трудамъ людей, которымъ историческая правда дороже чина *статскаго совѣтника*, русское общество узнало, что Стеньку Разина, котораго проклинали звонкіе голоса соборныхъ протодіаконовъ, можно назвать какъ слѣдуетъ Степаномъ Тимоѳеевичемъ; узнало оно, что Степанъ Разинъ не простой какой нибудь воръ-разбойникъ, а выразитель воли народной, мститель за великое горе народное, представитель-защитникъ того именно бытоваго строя народной жизни, который попранъ татарско-византійской Москвой и осмѣянъ генералами отъ Всероссійской Исторіи. Узнало русское общество, что до „на крови стоящей“ Москвы были на Руси народоправства сѣверныя, была Сѣча запорожская; была безкняжеская гражданственность, поступившаяся своимъ правомъ, лишившаяся возможности естественнаго развитія только послѣ продолжительной, кровавой борьбы.

Было за что и ратовать, было что отстаивать!

Въ то время какъ Москва отличалась повальнымъ грубымъ невѣжествомъ, опричниной, кнутомъ да попомъ, въ Новгородѣ Великомъ уже сложилась сѣверо-славян-

ская культура, завелась грамотность, народилась словесность народная, завелись художники, создались дѣловыя сношенія съ западомъ не по рескрипту какого нибудь реформатора, а съ почину самихъ гражданъ республики, между которыми появились и ереси, соотвѣтственныя европейскому предреформаціонному движенію. Рядомъ съ сѣверными народоправствами развивались бѣлорусскія и малорусскія муниципіи, создавались мѣщанскія братства съ оттѣнкомъ соціальнаго равенства, росла европейско-русская цивилизація съ ремеслами и художествами, съ общественными школами, типографіями и зачатками церковной реформаціи. За порогами днѣпровскими сложилась славная Сѣча; окруженная врагами со всѣхъ сторонъ, она естественнымъ образомъ должна была организоваться въ общество преимущественно воинское, но выросла Сѣча въ силу экономическихъ народныхъ требованій, и Герценъ справедливо назвалъ ее соціально-демократической республикой.

Эта историческая правда только недавно сдѣлалась достояніемъ всякаго русскаго подданнаго, умѣющаго и желающаго читать, а правда о временахъ, болѣе близкихъ къ интересамъ нынѣ царствующихъ боковыхъ отростковъ выродившагося дома Романовыхъ, все еще покрыта, если не мракомъ, то полутьмою. О неистовствахъ любовника какой-нибудь разслабленной Анны, о регенствѣ Бирона, этого праотца всѣхъ полиціймейстеровъ изъ ост-зейскихъ дворянъ; о странностяхъ великой шалуньи Екатерины, о томъ какъ она чуть не половину имперіи закрѣпостила въ руки легіона своихъ любовниковъ — говорить можно; самодурства Павла можно изображать; двѣнадцатый годъ можно разбирать; но о „незабвенномъ“ героѣ Устрялова, о Николаѣ надо ужь говорить съ большой осторожностью, а до „царя освободителя, выступившаго за русскій предѣлъ,“ нельзя и стороной коснуться, не рискуя пойти вдоль по каторгѣ. Вотъ почему, кромѣ пугачевскаго бунта, этого крупнаго факта жизни восточной Руси, мы знаемъ такъ мало подробностей о борьбѣ, которую Русь бытовая, народная вела съ Россіей оффиціальной въ ближайшія къ намъ времена.

Много защитниковъ воли народной загублено московскими палачами, но едва-ли не больше мученическихъ истязаній и смертей пришлось принять имъ отъ палачей съ пуклями, косами, пудрой, фалдами, штиблетами и

другими принадлежностями полицейской цивилизаціи, пересаженной Петромъ на болотистую петербургскую почву.

Не повезло народу отъ петровской реформы; не везло ему и ни отъ чьихъ реформъ. Кому была реформа, а ему все приходилась на долю нищета да плеть съ розгой. И кто только не занимался этими реформами? Иванъ IV, Борисъ, Петръ, Екатерина, Александръ I, Николай, Александръ II,—всѣ реформировали эту бѣдную Россію. Одинъ повернетъ ее по татарски, заведетъ рванье ноздрей или кабалу; другой — переверпетъ ее по голландски, настроитъ лодокъ, заведетъ потѣшныхъ, господъ обрѣетъ; а всегда выйдетъ непремѣнно такъ, что съ мужика больше потребуется налоговъ — одному барину становится легче.

Но и баринъ на Руси пользуется привилегіей не быть высѣченымъ только до тѣхъ поръ, пока не вздумаетъ царь посѣчь и привилегированнаго обывателя своей широкой имперіи.

Вѣшали, разстрѣливали, безпощадно сѣкли и сѣкутъ даже и баръ на Руси. За что же? За отщепенство, за протестъ противъ произвола, за заявленіе правъ человѣческихъ, за одну только словомъ выраженную мысль о волѣ народной!

Поборники воли человѣческой, которые борются противъ непроглядной тьмы русскаго царства, давно уже одинъ за другимъ идутъ на плаху, на висѣлицу, въ каторгу. — Рядомъ съ Россіей истязающей и сѣкущей живетъ Россія протеста, Россія умственнаго движенія.

*
* *

Французская революція прошлаго вѣка отозвалась и въ Россіи; результатомъ ея явились у насъ Декабристы.

Александръ I, вообразивъ себя либераломъ, занялся *реформами,* но завелъ только министерства и Аракчеева съ военными поселеніями; Декабристы же принесли изъ Парижа мысль о „правахъ человѣка,“ о конституціи, объ освобожденіи крестьянъ, о республикѣ! Николай возстановилъ смертную казнь, поставилъ висѣлицу, убилъ Пестеля, Бестужева, Каховскаго, Муравьева, Рылѣева; но мысли ихъ остались, выросли, развились, стали русскими — каторга, ссылки, розги не искоренили сѣмени правды.

Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Грановскій, Бѣлинскій—

хранили традицію Декабристовъ; революціонная мысль развивалась, принимая новыя формы, пополняясь сообразно разработкѣ революціоннаго вопроса на Западѣ.

Одной рукой Николай давилъ мысль, ссылалъ Герцена, Полежаева, Петрашевцевъ, а другой тоже *реформы* дѣлалъ. Тупоумный и безжалостный, этотъ императоръ-вахмистръ занимался больше военными кантонистами да драгунскими полками. Министерство государственныхъ имуществъ, главное изъ созданныхъ имъ учрежденій, дало волостнымъ старшинамъ галуны, а мужикамъ казеннымъ новый легіонъ обирателей, не ослабившихъ дѣятельности уже заведенныхъ—становыхъ, исправниковъ и всѣхъ возможныхъ чиновниковъ обыкновенныхъ и особенныхъ порученій, имъ же нѣсть числа. *Православіе, самодержавіе, народность* — жили сами по себѣ въ воображеніи царя, а *порка*, *грабежъ*, и *откупъ* отзывались реальнымъ образомъ на спинахъ и мошнахъ его подданныхъ. Стономъ стоналъ народъ по всей землѣ, а царь забавлялся безсмысленнымъ своимъ девизомъ и только подъ конецъ жизни понялъ, что всѣ Бенкендорфы, всѣ православные и всѣ лютеранскіе церберы самодержавія обокрали кругомъ его царскую казну! Пристыженный крымскимъ погромомъ, Николай приказалъ, говорятъ, отравить себя. Началъ казнью—кончилъ позоромъ. Перепуганный, врасплохъ захваченный Александръ не зналъ, что дѣлать. Не ловко было ему разомъ поправить батюшкину глупость заключеніемъ мира. Онъ собралъ ополченіе, ввелъ въ расходъ и дворянство, и купечество, и крестьянство, сдалъ „неприступный“ Севастополь и принялся *за реформы*.

Цензурныя послабленія дали возможность прессѣ говорить съ нѣкоторой свободой, и вопросы о народномъ хозяйствѣ стали на первую очередь. Вскорѣ послѣ крымскаго пораженія пронесся слухъ объ освобожденіи крѣпостныхъ; вопросъ о *землѣ* возникъ самъ собой. Вольный станокъ „Колокола“ и прессы „Современника“ отвели ему первое мѣсто. „Менильмонтанское семейство,“ статьи Добролюбова о Робертѣ Оуэнѣ, работы Чернышевскаго, статьи Герцена и Огарева, сама бытовая жизнь народа — все наводило молодежь на изученіе соціальнаго вопроса. Умственное движеніе усилилось и въ концѣ 50 годовъ дало уже результаты: являются кружки пропагандистовъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Казани. „Земля и Воля“ — таковъ смыслъ ихъ про-

граммы. Польское возстаніе, которому помогали и великорусскіе революціонеры, вызываетъ въ правительствѣ всю силу злобы: для Польши и для Россіи воротились времена николаевщины въ видѣ муравьевщины. Розга дѣйствуетъ рядомъ со всякими коммиссіями, составляющими проэкты *реформъ*. Безъ уликъ, безъ доказательствъ преступности, Чернышевскій сосланъ на каторгу чуть не наканунѣ рескрипта о мировыхъ и гласныхъ судахъ. За что же? За то, что онъ смѣлъ научной постановкой вопроса объ освобожденіи крестьянъ явиться защитникомъ общины, защитникомъ бытоваго строя жизни народа. Не погибла мысль Декабристовъ, не могла пройти безслѣдно и работа Чернышевскаго — движеніе не остановилось, напротивъ — оно заявляетъ себя все яснѣе и громче. Ишутинцы пытаются организовать пропаганду въ народѣ; Нечаевъ хлопочетъ о сплоченіи молодежи въ партію, подчиненную волѣ несуществовавшаго тайнаго комитета. Каракозовъ стрѣляетъ въ царя. Трусливый, напуганный крупнымъ барствомъ Александръ ставитъ висѣлицу, а за тѣмъ продолжаетъ *реформу*.

Въ Малороссіи идетъ свое движеніе. Еще въ тридцатыхъ годахъ, подъ вліяніемъ „Исторіи Руссовъ,“ образовалось тамъ сознаніе необходимости свергнуть иго царскаго деспотизма и централизаціи, задавившей волю казацкую и закрѣпостившей за ненавистными панами такъ еще недавно вольный народъ.

Народное сознаніе всегда находитъ себѣ выразителя. Въ сороковыхъ годахъ явился у украинцевъ великій Кобзарь Шевченко. Онъ словно перечувствовалъ всѣ преданія своей родной земли, и Герценъ, быть можетъ, былъ правъ, называя Шевченка едва-ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ. Малороссія протеста противъ неволи своей нашла своего козака-рапсода, который дивнымъ стихомъ повѣдалъ міру всѣ завѣтныя мысли родной земли, всѣ причины ея страданій, происходящихъ отъ политической, соціальной и религіозной неволи. „Запорожскіе идеалы“ не понравились Николаю, не понравилась ядовитая сатира на все его шпицрутенское царство.

„Од молдавана аж до фина
„На всіх јазиках все мовчить—бо благоденствује.“

Сказалъ это Кобзарь Тарасъ и окончательно разсер-

дилъ Николая. Оставивъ дома родную кобзу, надѣлъ онъ солдатскую шинель и пошелъ набираться новой, если можно еще большей, ненависти къ царю и царству, чтобы еще больше исполнить сердце любовью къ родному языку, къ родной землѣ, къ родному народу.

Рядомъ съ рапсодомъ, рука объ руку съ нимъ, шелъ историкъ Малороссіи, Н. И. Костомаровъ. Первой же работой своей онъ заявилъ себя такъ рѣзко, что украшенный всякими Аннами петербургскій генералъ-исторіеграфъ Устряловъ почелъ нужнымъ написать доносъ на „дерзкаго“ магистра Харьковскаго университета, осмѣлившагося имѣть свое сужденіе и покинуть Карамзинымъ катихизированный уставъ Россійской исторіи. Устряловъ попалъ мѣтко; онъ предчувствовалъ, что отъ историка-козака добра царству не выйдетъ, и не ошибся. Костомаровъ занялся разработкой бытовой исторіи нашихъ народовъ. „Кирилло-Меѳодіевское братство,“ планъ всеславянской федераціи обозлили Николая — Костомаровъ сосланъ, но начатое въ Малороссіи движеніе не остановилось.

Александру-реформатору пришлось уже въ 1860 году ссылать студентовъ, принадлежавшихъ къ харьковскому кружку, въ программу котораго входили столько же стремленія козацкой воли, сколько и общеевропейскія революціонныя мысли. То были первыя политическія ссылки въ царствованіе царя-реформатора.

Струсила аристократія, какъ польская, такъ и русская, а доктринеры катковскіе пришли къ ней на помощь. Правительство, найдя себѣ поддержку въ помѣщикахъ и шпіонской литературѣ, принялось въ 1862 г. ссылать и „хлопомановъ“ кіевскихъ и полтавскихъ.

Въ 1863 г. Александръ собирался облегчить цензуру и приняться за „народное образованіе.“ Его дипломаты старались дискредитировать польское возстаніе преданіями козацко-польской борьбы, и въ то же время правительство запретило печатать на малороссійскомъ языкѣ какія бы то ни было популярныя книги, запретило даже и употребленіе малороссійскаго языка въ школахъ.

Польша билась въ это время съ русской арміей и силилась выйти изъ царскаго острога, на что имѣла полное право. Грубая муравьевщина задушила возстаніе, поглотившее много силъ, не только польскихъ, но и русскихъ. Умственное движеніе пріостановилось.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, молодежь, прислушивавшаяся ко всему совершавшемуся на западѣ, охваченная мыслью Международнаго Товарищества Работниковъ, возбужденная къ дѣятельности громаднымъ фактомъ Парижской Коммуны, съ новой энергіей принимается за революціонное дѣло. Традиція тайныхъ обществъ, политическихъ переворотовъ, дворцовыхъ революцій, захвата власти и диктаторскаго благодѣтельствованія народа уступаетъ мѣсто новому революціонному воззрѣнію. Революціонная мысль становится конкретною, революціонная программа—положительною. Политика, церковь, рабство женщины, рабство ребенка дома и въ школѣ, рабство въ мастерской—начинаютъ разсматриваться не какъ причина отсутствія гражданственности въ человѣческихъ обществахъ, а, напротивъ, какъ послѣдствія установленныхъ буржуазной цивилизаціей отношеній лица къ вещи, какъ послѣдствія института частной собственности, изъ которой вытекаетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ. Экономическій вопросъ становится на первый планъ.

Передовые борцы за волю людскую, люди научной, искренней мысли давно уже ставили вопросъ свободы на эту почву положительнаго изслѣдованія. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, вслѣдъ за Фурье, С. Симономъ, Оуэномъ, Марксомъ, являлись небольшія группы послѣдователей; но новая мысль сдѣлалась общимъ достояніемъ передовыхъ массъ пролетаріата только весьма недавно. Она нашла себѣ выраженіе въ программѣ, статутахъ и организаціи Международнаго Товарищества Работниковъ. Политика подчинена экономическому вопросу, политическое освобожденіе, т. е. освобожденіе человѣка какъ гражданина, стало немыслимо безъ освобожденія отъ патроната. Освобожденіе пролетаріата одной страны обусловливается освобожденіемъ пролетаріата всѣхъ странъ. Отсюда необходимость солидаризаціи дѣйствій всѣхъ рабочихъ и международнаго федеративнаго союза всѣхъ ремеслъ внѣ предѣловъ какихъ бы то ни было государствъ, созданныхъ захватомъ, грабежомъ, войной. Нѣтъ мѣста національной ненависти; связанные единствомъ экономическихъ интересовъ, связанные взаимной зависимостью всѣхъ производствъ, рабочіе должны составить одну семью, должны организовать производство и распредѣленіе продуктовъ на началахъ коллективнаго владѣнія орудіемъ труда въ

самомъ обширномъ смыслѣ этого выраженія. Съ уничтоженіемъ собственности падаетъ политика, церковь и всякое рабство.

Кто же можетъ взяться за такое великое дѣло, какъ не сами рабочіе? Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предписывающихъ движеніе сверху внизъ, отходитъ въ область прошлаго вмѣстѣ со старымъ понятіемъ о самой революціи. Она становится положительной, она дѣлается во имя всесторонняго освобожденія труда, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся. Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти съ низу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ федераціи, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой. Какъ прежде, при традиціонномъ, якобинскомъ, исключительно-національномъ, политическомъ воззрѣніи, работники должны были только слушаться, только исполнять волю вожаковъ; какъ они сводились на орудіе, такъ теперь, наоборотъ, отъ нихъ самихъ требуется сознаніе, воля, знаніе дѣла, иниціатива.

Въ политикѣ, въ государствѣ, фикція государственная стираетъ личность, уничтожаетъ ее. La raison d'Etat, какъ финикійскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей, отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для организаціи, а организація для него. Нѣтъ мѣста привилегіи; мысль человѣческая, наука, искусство, всестороннее развитіе становятся общимъ достояніемъ.

Такова революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ. Петербургскіе кружки пропагандистовъ, московскіе соціалисты издавали множество народныхъ брошюръ, разсказовъ, сказокъ, въ которыхъ царь, попъ и помѣщикъ являются нераздѣльной троицей, причиной всѣхъ бѣдствій народныхъ. Послѣдніе процессы и рѣчи нашихъ пропагандистовъ ясно показываютъ, что они стоятъ на соціально-революціонной почвѣ безначальственнаго интернаціонала.

Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ общеевропейскому федеративному соціализму.

Петербургскіе императоры всегда боялись козацкаго сепаратизма; но пока Польша казалась имъ опасной, они считали выгоднымъ толерировать если не волю козацкую, то хоть рѣчь малороссійскую. Но аристократическая Польша покончена, а о ней польскій мужикъ, конечно плакать не станетъ. Правительство уничтожило Царство Польское, воеводства стали губерніями: въ Волыни и Подоліи посажено Александромъ много русскихъ помѣщиковъ. Гладить по головѣ козака украинскаго за нелюбовь его къ польскому пану уже не нужно —усилились репрессаліи и на Украинѣ: въ 1876 году запрещена всякая малороссійская литература. Царь освободитель собирался за Дунай ѣхать, собирался освобождать „младшихъ братьевъ всероссійскаго народа," собирался защитить „волю христіанъ-славянъ" отъ мусульманской власти турка. Какъ разъ въ этотъ „торжественный моментъ" своего царствованія Александръ II запретилъ литературу малорусскую, выросшую на преданіяхъ того именно народа, который по собственной волѣ, а не по приказу царя-реформатора два вѣка бился съ „турецкой неволей." Нечего сказать, хорошо придумана мѣра, хорошо выбранъ и моментъ. Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украинѣ; она выступаетъ въ открытое, внѣгосударственное, интернаціональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революціонной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украинѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерскаго императора. Такъ-то сложилась украинская соціалистическая партія. Въ силу самыхъ обстоятельствъ она должна быть федеративная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революціонерами Россіи, съ другой съ западно- и юго-славянскими революціонерами, польскими и всякими другими соціалистами-революціонерами, принимающими федерализмъ за основу организаціи.

Въ этомъ новомъ движеніи зародышъ будущаго народовъ, скованныхъ желѣзной лапой всероссійскаго императорства. Въ нынѣшней оффиціальной Россіи „всероссійскаго" вѣдь только и есть, что царь, солдатъ, попъ, чиновникъ и помѣщикъ, патронъ да купецъ; эти разновидные факторы власти однородны и можно назвать ихъ не только всероссійскими, но и всемірными.

У русскаго правительства есть русскій жандармъ, русскій шпіонъ, а народа всероссійскаго нѣтъ.

Безъ Грузинъ, Армянъ и безчисленнаго множества инородцевъ, которыхъ считать всероссійскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живетъ 36,000,000 великоруссовъ, 11,239,000 малоруссовъ 4,749,212 поляковъ да 4,000,000 бѣлоруссовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй: каждому изъ нихъ нужно, слѣдовательно, не только предоставить право внутренняго самоустройства, но и всѣмъ имъ предоставить право федераціи, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной иниціативѣ. Оффиціальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчинила и всю сѣверную Азію власти всероссійскаго становаго, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русскій становой: исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика.

Поставивъ федерализмъ, областную и общинную автономію принципомъ революціи, пойдя на трудный путь пропаганды въ народѣ, молодежь наша не могла дать и себѣ самой централистическую организацію. Покончивъ съ традиціей всероссійскаго благодѣтельствованія не существующаго всероссійскаго народа, агитаторы и пропагандисты послѣднихъ лѣтъ дѣлились на самостоятельные кружки, не подчинялись никакому комитету, не исполняли ничьей чужой, единичной или групповой диктаторской воли. Оно и не удивительно: якобинство, комитетство, диктаторство не подходятъ къ бытовому строю нашихъ народовъ.

Въ столицѣ, по близости власти, по большей привычкѣ считать стольный городъ всѣмъ областямъ указчикомъ, могутъ являться комитетскія поползновенія; но придавать имъ какое бы то ни было значеніе нельзя потому, что имперія безобразно, до нелѣпости велика, такъ что приказъ комитета не успѣетъ дойти до одного

мѣста, какъ самъ комитетъ смѣнятъ сами же петербуржцы; съ другой же стороны—духъ областной независимости такъ силенъ въ разнокалиберномъ населеніи, что народы, населяющіе Россію не захотятъ подчиниться никакимъ комитетамъ, засѣдающимъ въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ комитетовъ, дѣйствовавшихъ до сихъ поръ, болѣе или менѣе серьезнымъ можно считать только комитетъ „Земли и Воли;“ но уже и въ то время группа казанскихъ революціонеровъ, выразивъ желаніе дѣйствовать дружно, на отрѣзъ отказалась подчиниться комитету; этому примѣру казанцевъ послѣдуетъ, конечно, и всякая серьезная мѣстная группа.

Отсутствіе комитета и всякаго приказыванія *свыше* налагаетъ на революціонныя группы не какую нибудь машинную, а глубоко продуманную и сознанную работу. Вслѣдствіе слишкомъ изолированной, обособленной работы кружка, могутъ являться неудобства, ошибки, промахи. Они и случались. Опытъ доказалъ необходимость болѣе строгаго федеративнаго союза самихъ дѣйствующихъ въ народѣ группъ, необходимость дѣйствія болѣе дружнаго, и революціонеры наши дойдутъ до разумной организаціи своихъ силъ. Послушаніе комитету замѣнится сговоромъ, который вполнѣ возможенъ, потому что рознь между революціонерами-федералистами держится вся только на недоразумѣніяхъ; скоро они исчезнутъ, и партія организуется, хотя ей предстоитъ пережить кризисъ ожидаемаго „завершенія реформъ.“ Мы говоримъ о конституціи.

Правительство Николая со всѣмъ его кирасирскимъ абсолютизмомъ пало вмѣстѣ со стѣнами Севастополя. Съ тѣхъ поръ безхарактерный и трусоватый Александръ Николаевичъ успѣлъ и полиберальничать и посвирѣпствовать. Двадцать лѣтъ сводитъ онъ гнѣвъ на милость, а больше милость на гнѣвъ. Миловалъ поляковъ сотнями, а Муравьеву на съѣденіе далъ ихъ тысячи; отпустилъ цензурныя поводья, а потомъ велѣлъ книги конфисковать и жечь; освободилъ крестьянъ отъ помѣщичьихъ истязаній, а въ становой квартирѣ, въ волостномъ правленіи розгу на всякій случай все-таки сохранилъ; реальныя школы завелъ, опять струсилъ — сдалъ дѣтей на истязаніе Толстому. На два гроша либерализма приходится по нѣсколько возовъ розогъ: такова характеристика нынѣшняго царствованія.

Многіе революціонеры шестидесятыхъ годовъ удовле-

творились двумя грошами царственнаго либерализма. Гласный судъ, адвокаты и жалкія земства помирили ихъ съ жизнью и поставили на сторону правительства. Либераламъ стало и въ самомъ дѣлѣ лучше; ну, а „сволочный“ пусть потерпитъ. Эти удовлетворившіеся когда-то сами принадлежали къ „нигилистамъ,“ — теперь они готовы ссылать ихъ куда угодно. Боголюбовское дѣло доказало, какъ серьезны всероссійскіе либералы, успокоившіеся мыслью, что на берегахъ Моравы, въ Балканахъ и за Балканами каждый ударъ русскаго штыка подготовляетъ петербургскую конституцію. Наивные люди! Они думали, что Александръ Николаевичъ такъ вотъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ исполнится любовью къ болгарской свободѣ; что, ради нея, онъ готовъ поступиться и своимъ домашнимъ самодержавіемъ! Да гдѣ же у нихъ были глаза, гдѣ были уши? Мужики цѣлой деревни Шереметьева-Степанчикова побросали дворы и бѣжали куда глаза глядятъ; крестьяне Самарской губерніи подвергались такимъ ужаснымъ страданіямъ, которыя можетъ выносить только русскій, къ несчастью, слишкомъ терпѣливый народъ,—царь не тронулся этими страданіями народа. Въ Чигиринѣ, на Уралѣ, всюду, гдѣ голодный мужикъ или козакъ оказалъ малѣйшій признакъ сопротивленія „отъ бога установленному“ начальству, всюду являлись военныя команды для водворенія „порядка.“ Съ этими же командами пошелъ тотъ же царь за Дунай, и либералы повѣрили въ освобожденіе Болгаръ, повѣрили въ освобожденіе Россіи! До ушей ихъ доходили слухи о розгахъ въ тюрьмахъ; они слышали отвѣты Малиновскаго и рѣчь Алексѣева; Бардина, Любатовичъ..... на ихъ глазахъ пошли „вдоль по каторгѣ;“ либералы видѣли, что царь не задаетъ себѣ даже и вопроса о томъ, откуда возникли въ землѣ русской всѣ эти бунты, и вѣрили въ освободительную миссію царскихъ военныхъ командъ, которыя вмѣстѣ съ пулей для турка захватили съ собой и нагайку для самихъ Болгаръ!

Логика оказалась на сторонѣ революціонеровъ. Съ трудомъ, съ гораздо меньшимъ успѣхомъ продолжали они свое дѣло пропаганды, но продолжали. На судѣ 193 они ясно заявили, что большой разницы между русскимъ и турецкимъ правительствомъ, между царемъ и султаномъ не находятъ. Царь, какъ водится, сослалъ ихъ въ каторгу, а самъ продолжалъ запугиваться все больше

и больше въ турецкой войнѣ. Треповскій скандалъ, геройская месть Засуличъ, странный судъ, все это окончательно сбило съ толку Александра Николаевича. Гоголевскій почтмейстеръ не зналъ, „распечатать, или не распечатывать;“ Александръ не зналъ, какъ судить Засуличъ: въ качествѣ *реформатора*, онъ можетъ судить ее только судомъ присяжныхъ, какъ царь — онъ долженъ просто сослать ее безъ всякаго суда. Пошелъ рядъ чисто Александровскихъ нелѣпыхъ противорѣчій, которыя стали понятны даже и либераламъ. Треповъ и гвардейское искорененіе болгаръ; война съ Англіей и подвигъ Вѣры Засуличъ; внутреннее разореніе, безденежье и общее недовольство!—Куда дѣваться? Одно спасеніе—„*завершить реформы*,“ дать конституцію.

Конституція хорошая обыкновенно берется, но у насъ брать ее рѣшительно некому; ее, стало быть, дадутъ, а потому можно сказать впередъ, что серьезной она быть не можетъ: но какъ отнесутся къ ней федералисты-революціонеры? какъ поставятъ себя? какъ воспользуются они новымъ положеніемъ?

Между революціонерами, быть можетъ, тоже окажутся *удовлетворенные*, окажутся люди, способные войти въ компромиссъ съ конституціоналистами, не смотря на принципіальную рознь, отдѣляющую ихъ другъ отъ друга. Исходъ ясенъ: или, убѣдившись личнымъ опытомъ въ безполезности парламентаризма, они возвратятся къ прежней своей программѣ, или втянутся въ политику, въ правительственность и безвозвратно пропадутъ для революціи.

Какъ же дѣйствовать?

Всегда и вездѣ дѣйствовать противъ государства и внѣ государства: дѣйствовать всѣми средствами, сообразно съ условіями области, мѣстности, въ которой дѣйствуешь. Агитація, пропаганда словомъ, листокъ, книга; организація рабочихъ группъ всякаго вида, слагающихся для борьбы съ патронатомъ во всѣхъ его формахъ и съ властью, всегда и всюду защищающей интересы владѣльческаго меньшинства; личное участіе въ вызываемыхъ обстоятельствами народныхъ бунтахъ, стачкахъ

вотъ средства дѣйствія. Отдѣлять ихъ другъ отъ друга, исключать одно изъ нихъ въ пользу другого нѣтъ логической возможности: въ различной степени, смотря по условіямъ мѣстности, но всегда и вездѣ они стоятъ въ неразрывной связи другъ съ другомъ. Не искать

возможности помочь всѣми средствами стачкѣ, не воспользоваться ею, какъ средствомъ агитаціи между менѣе подготовленными рабочими организаціями—непростительно. Объявлять себя пропагандистомъ и только пропагандистомъ, когда бунтуетъ цѣлая деревня, волость, уѣздъ, въ которомъ живешь, столько же странно, какъ, сложа руки, ждать бунта. Бунты каждый день не бываютъ и искусственнымъ образомъ не дѣлаются; экономическая сила вещей вызываетъ ихъ, и ни одному революціонеру, при всей искренности его, при всей пламенности его темперамента не дано *производить бунтъ*. Разины и Пугачевы, Хмѣльницкіе и Паліи сильны и велики не потому, что они дѣлаютъ бунты, а тѣмъ, что являются способными выразить народную волю именно въ тотъ моментъ, когда бунтъ виситъ въ воздухѣ, когда всѣ силы народа напряжены. Въ эти моменты смѣлый поступокъ, иногда удачно сказанное слово зажигаютъ массы, какъ искра зажигаетъ порохъ. Рѣдки эти торжественные дни въ жизни задавленнаго трудомъ народа, а будни тянутся длинной вереницей годовъ. Ни одинъ революціонеръ не можетъ, не имѣетъ права сказать, что онъ хочетъ и будетъ принимать участіе только въ праздникахъ народной жизни. Надо долго работать для народа и съ народомъ, надо будни переживать съ нимъ; надо, чтобы онъ узналъ насъ въ эти будни, чтобы онъ призналъ насъ своими—будетъ и намъ мѣсто на праздникѣ.

Знаніе жизни, знаніе мѣста, знаніе экономическихъ условій его и связи ихъ съ условіями по крайней мѣрѣ мѣстъ сосѣднихъ,—возможное всеоружіе знанія не можетъ повредить революціонеру, потому что всегда, вездѣ и во всемъ знаніе — сила. Надо пріобрѣтать его и распространять между рабочими, потому что они только *сами* могутъ сдѣлать революцію; за нихъ никто ее не сдѣлаетъ.

Таковы средства дѣйствія и такова связь между ними. Самозащита, личный или кружковой отпоръ власти будутъ конечно вызываемы и конституціоннымъ правительствомъ — обыски будутъ дѣлать и конституціонные жандармы. Можетъ ли быть споръ о томъ, что всякая фактическая оппозиція власти сама по себѣ серьезна, необходима, полезна; но потому именно, что она такъ естественна, не слѣдуетъ возводить ее въ теорію. Великодушная молодежь, жертвующая собой для подготовленія соціальной революціи, всегда должна помнить, что

только самъ трудящійся народъ можетъ сдѣлать ее и что всякое дѣйствіе, совершающееся внѣ народа и безъ участія народа, при всей своей основательности, останется дѣйствіемъ второстепеннымъ.

* * *

Скоро-ли дадутъ Россіи конституцію? Много ли въ федералистической-революціонной партіи окажется людей, удовлетворившихся этой конституціей? — Покажетъ время. Во всякомъ случаѣ, теперь уже есть зерна будущей организаціи борцовъ противъ новаго вида рабства, которое дастъ народу александровская „хартія свободы.“ Дворяне и купцы раздѣлятъ пополамъ съ царемъ-реформаторомъ правительственную власть, заодно съ нимъ будутъ эксплуатировать трудъ народа и преслѣдовать революціонную мысль.

Поступимся-ли мы ею?

Нѣтъ, дорога она намъ; въ плоть и кровь нашу вошла она. Не извелъ ее царь съ Треповымъ, не изведутъ ее и всевозможные Кони съ Желеховскими. Они ждутъ конституціи, какъ подачки, и сами ничѣмъ для нея не пожертвуютъ. Людямъ революціи жертвы не трудны; они двадцать три года сряду доказываютъ это, и если Александръ Николаевичъ вздумалъ бы дать амнистію, такъ самъ бы удивился громадному списку сосланныхъ, который представитъ ему безъ сомнѣнія на конституціонную ногу *реформированное третье отдѣленіе*. Списокъ повѣшенныхъ, разстрѣлянныхъ, голодной смертью или отъ болѣзней умершихъ, списокъ всѣхъ по царской волѣ замученныхъ составитъ будущій историкъ.

Наше дѣло — собирать силы отпора переформирующемуся царству. Въ стѣнахъ Петербурга появился соціально-революціонный журналъ „Начало.“ Онъ зоветъ всѣхъ на борьбу съ врагомъ, который, надѣвъ маску благодѣтеля, будетъ по прежнему эксплуатировать народъ.

Привѣтъ вамъ, товарищи! Не выпускайте изъ рукъ знамени, на защиту котораго соберутся всѣ, умѣющіе сохранить въ себѣ чистоту революціоннаго безкорыстія и отдадутся дѣлу подготовленія великой борьбы народной, которая дастъ труженику Землю и Волю. — Освободятся народы, стиснутые во всероссійскомъ острогѣ, сложатъ вольную федерацію своихъ общинъ и вступятъ въ братскій союзъ со всѣми рабочими всѣхъ странъ.

Николай Жуковскій.

Женева 23 мая 1878

O 25. / 58.

Žukovskij.
~~Joukowsky~~ (N.). Жуковскій (Николай).

Les réformes et la révolution. Реформы и революція. (Изъ „Общины" № 5). (Изданіе „Громады"). — Absque nota. (Женева. 1878.). 8°

PKT

№ 2.

